

Большому театру Союза ССР ~ 200 лет

БЫЛО И БОЖЕСТВО, И ВДОХНОВЕНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ГАСТРОЛЕЙ В УФЕ СОЛИСТОВ ГАБТА

Послезавтрашний день—особенный для любителей оперного и балетного искусства. Большому театру Союза ССР исполняется 200 лет. Когда наступит вечер, и мы усядемся у телевизоров, чтобы посмотреть торжества, посвященные Большому, то, может быть, у многих уфимцев астрепенется сердце. Мы вспомним те несколько вечеров в конце февраля и в начале марта, когда у нас в Уфе гастролировали солисты Большого театра. Да, нам тогда повезло: девять вечеров краду мы слушали и смотрели певцов и танцовщиц главной сцены страны, были свидетелями высокого вокального, музыкального, хореографического и драматического мастерства. Все познается в сравнении. И хотя мы убедились вочию, как надо петь и как надо танцевать, от этого наша любовь и признания к своим уфимским певцам и танцовщикам не уменьшились. Мы понимаем: Большой есть Большой. И все же встреча с москвичами доставила не только огромное эстетическое удовлетворение. Задались бы хорошо знающих возможности оперной и балетной трупп Башкирского театра, не покидало чувство удивления. Такое пришлось особенно испытать на спектаклях, которые вел главный дирижер Большого театра Юрий Иванович Симонов. Казалось, закрой глаза, и апрямы поверишь, что на сцене совсем другой хор, не наш—так сочен, чист и ровен во всех регистрах его звуки: оркестр тоже не узнать, куда подевался его открытый, плоский звук. А певцы, балет! Меньшикова, Канин, Аскаров, Башаров и многие другие солисты, занятые в «Аиде» и в «Князе Игоре», если не во всем, то, в основном, выдержали трудное соперничество с солистами Большого театра. А петь с ними рядом, конечно же, было нелегко. Все четыре солиста ГАБТа—Фомина, Никитина, Романовский, Морозов—не только обладатели сильных и красивых голосов (такие данные и у некоторых уфимцев есть). Но вот школа вокала: легкий, гибкий, свободно льющийся, без видимого напряжения звук! Вот эту перчатку ох как трудно было поднять нашим. Но помогло, выручило вдохновение, то незымично приподнятое состояние духа, которое овладело всеми, кто был тогда на сцене и за кулисами. Это прекрасное чувство перекинулось в зал, и уже весь театр жил одним—действом на сцене.

Откуда оно пошло, это вдохновение? Конечно, от Симонова! Можно бесконечно удивляться и задавать себе вопрос: как он смог за какие-то четыре репетиции привести в состояние творче-

ского возбуждения огромный коллектив, занятый в таких сложнейших оперных спектаклях, как «Аида» и «Князь Игорь»? Но факт—эти вечера незабываемы. Симонову не помешали ни налет заветности и скуки, который успел опутать эти старейшие спектакли в репертуаре театра, ни даже такие частности—недокомплект струнного состава оркестра, или такой удивительный факт—в театре нет партитуры оперы «Аида» (!).

Постоянная творческая бодрость, творческое начало—без этого нет искусства, нет и зрителя. Какой бы, к слову, артистической привлекательностью ни обладал Донатес Баннионис, ежевечерний аншлаги в театре Паневежис не из-за него одного. Постоянно будоражимый творческим поиском, желанием выкристаллизовать свое творческое кредо, театр задевает этим и зрителей, невольно заражает их. А где творчество, там и высокая требовательность к себе, вполне естественное желание выработать такой комплекс, который заставлял бы всю жизнь чувствовать свое несовершенство, желание спрашивать с себя по высшим критериям искусства.

Совершенно очевидно, что наши вокалисты—не виртуозы, а главное, опять-таки не владеют благородной манерой звукозвучения. Слушая их, мы видим, что вокал—тяжелый труд. Хотя эта рабочая сторона должна оставаться на занятиях с педагогом по вокалу. Но такого педагога в нашем театре, оказывается, нет. Хотя в Уфе такой человек есть... через дорогу,

в институте искусств: Милиуша Галаева Муртазина. Муртазина, как известно, в стенах института подготовила для оперной сцены группу крепких вокалистов (один из них, Владимир Поляков, принят стажером в Большой театр), и она

могла бы дать немало для повышения долевой культуры уже солистам оперной труппы. К слову, об Уфимском институте искусств, который стоит через дорогу от театра оперы и балета. Думается, что этот институт—неиспользованный резерв театра.

Нельзя не заметить, что здесь работают сильные специалисты, отсюда, бывает, молодежь посылает на международные конкурсы, здесь творческая жизнь бьет ключом. Как вовлечь, использовать для сцены высококвалифицированные педагогические кадры института—это уже дело руководителей театра и института. Им обдумывать и решать эти вопросы.

Гастроли в Уфе, москвичей, а также Чистяковой из Свердловска и Коржаковой из Горького еще раз доказали, что такие творческие встречи полезны, необходимы. Такие связи надо укреплять, расширять. Они помогают взглянуть на себя со стороны, избавиться от самого страшного—самолюбования. Мы любим наш балет, но давайте присмотримся, прислушаемся к этому чувству. Может быть, в нем больше дань прошлым успехам? Хотя если перебрать сегодня мысленно одного артиста балета за другим, то приходишь к убеждению, что и мы не бедны, и из наших ребят при самостоятельном жестком тренинге вышли бы, возможно, и Прокофьевы, и Козловы. А если зажечь в их сердцах огонь вдохновения? Нельзя было без шемящего чувства смотреть в дни декады Балет «Лебединое озеро». Как ни прекрасна музыка Чайковского, как ни хороши были технические и трепетные Козловы, —но одного спектакля не получилось. Затанцованности, налет скуки, увядшие и, увы, тяжёлые декорации «разбили» спектакль на отдельные танцы. А ведь это «Лебединое озеро»!

...Сейчас, наверное, век такой: где бы человек ни работал, кем бы он ни был—критерием его профессионализма считают и творческое отношение к делу. Ну, а если ты человек творческого труда, если ты выпячиваешь музыкальные образы, созданные Верди, или вытанцовываешь балет гениального Чайковского, как же тут без волнения и трепета? Ведь без этого не достичь высот мастерства, не оставить доброго следа. В этом смысле поучительно отношение к делу главного дирижера Большого театра Юрия Симонова. Хотелось бы, чтобы вся, кому посчастливилось в Уфе поработать с ним и про себя удивиться его молодости, знали, что этот человек многое успел за свои 36 лет благодаря только двум свойствам своей натуры: он много работает, для него театр—край искусства.

А. САВИТОВА.

НА СНИМКАХ: главный дирижер Государственного академического Большого театра Союза ССР Ю. Симонов; солист Большого театра В. Романовский в спектакле по опере Бородин «Князь Игорь». Фото О. ПОПЧЕНКО и Е. ИГНАТЬЕВА.